

МАЛЫЙ, СРЕДНИЙ, БОЛЬШОЙ ГОРОД:
ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

УДК 336.132.11, 332.146

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РОССИИ
ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ТРАНСФЕРТОВ

© 2026 г. Д. Ю. Землянский^{1,*}, Л. В. Калиновский^{1,**},
Д. М. Медведникова^{1,***}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Институт прикладных экономических исследований, Центр пространственного анализа
и региональной диагностики, Москва, Россия

*e-mail: zemlyanskiy-dy@ranepa.ru

**e-mail: kalinovskiy-lv@ranepa.ru

***e-mail: medvednikova-dm@ranepa.ru

Поступила в редакцию 08.08.2025 г.

После доработки 09.10.2025 г.

Принята к публикации 28.10.2025 г.

В статье рассмотрены географические различия распределения прямой федеральной финансовой поддержки, реализуемой через систему межбюджетных отношений, муниципальных образований России, в составе которых есть города. На основе данных Федерального казначейства для статьи сформирована база данных консолидированных бюджетов муниципальных образований России за 2020–2024 гг. Из всех доходов бюджетов муниципалитетов выделены только те, которые поступили в результате предоставления им федеральных мер поддержки в виде целевых межбюджетных трансфертов. Установлено, что поддержка распределяется в целом пропорционально численности населения, но наблюдается некоторый приоритет в отношении малых муниципальных образований. Меньшие объемы поддержки получают крупнейшие территории по сравнению с городами не формируется. Фактор наличия статуса региональной столицы не значим при распределении поддержки. Существенно различается структура средств поддержки по отраслевым направлениям между городскими муниципалитетами разной плотности: в малых городах поддержка смещена в пользу средовых решений, в крупных городах фокус сдвинут на развитие образования, транспортной инфраструктуры, экологическую политику. Географически приоритет отдается геостратегическим территориям и городам, расположенным в регионах с меньшим уровнем бюджетной обеспеченности.

Ключевые слова: муниципальные образования, региональная политика, муниципальные бюджеты, межбюджетные трансферты, МБТ, география городов

DOI: 10.7868/S2658697526010082

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Россия — одна из наиболее урбанизированных стран мира. По оценкам Росстата на 1 января 2025 г. доля городского населения (т.е. населения городских населенных пунктов, в число которых помимо городов входят также поселки городского типа) в Российской Федерации составляет уже более 3/4 — 75.14% (или 109.8 млн чел.), при этом непосредственно в городах проживает

70.16% (101.5 млн чел.)¹. Эти параметры непрерывно растут: за последние 10 лет на +0.94 п.п. (+1 млн чел.) и +1.22 п.п. (+0.7 млн чел.) соответственно.

¹ По данным на 1 января 2024 г. См. Информационно-аналитический материал Росстата “Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2024 года”. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2024.xlsx (дата обращения 05.08.2025).

Факт того, что в городах концентрируется преобладающая часть населения страны, должен делать их важным фокусом государственной территориальной политики. С ростом численности населения городов, прежде всего крупных и крупнейших, возрастает и их роль в социально-экономическом развитии государства, что также должно выводить их в число важных объектов государственной поддержки и регулирования.

Динамике и факторам развития городов России и их отдельных групп посвящено уже множество исследований. В разное время были опубликованы научные работы, в которых изучается социально-экономическое положение всех (или преобладающего большинства) городов России, среди которых к основополагающим можно отнести исследования Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша (2001, 2010), А.Г. Махровой и соавторов (Голубчиков, Махрова, 2013; Землянский и др., 2020), коллектива АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр»» (Система ..., 2024). Шире и детальнее из-за доступности большего перечня статистических данных изучены особенности развития городов страны с населением более 100 тыс. чел. (Буфетова, 2015; Зубаревич, 2010; Зубаревич, Сафронов, 2019), федеральных столиц — Москвы и Санкт-Петербурга (Дружинин, 2022; Зубаревич, 2012; Кузнецова, 2018), крупнейших городских агломераций (Абдуллаев и др., 2023; Зубаревич, 2017), хотя в последние годы отмечается рост внимания и к исследованию малых и средних городов (Малые ..., 2021; Маркин и др., 2019; Смирнов, 2019). Ряд научных работ был направлен на изучение особенностей развития городов отдельных макрорегионов России: например, Урала, Сибири и Дальнего Востока (Antonov, 2018), Российского Севера (Ворошилов, 2021; Денисов, 2018).

В преобладающем большинстве перечисленных исследований отмечается важная и возрастающая роль институциональных и политических факторов развития городов. С учетом высокой централизации системы управления и бюджетно-налоговой системы в Российской Федерации в качестве наиболее значимого из этих факторов упоминается характер федеральной политики в отношении городских центров.

Усиление роли государственной политики в развитии урбанизированных территорий отмечается и за рубежом, о чем свидетельствует появление после 2000 г. новой волны работ (Da Cruz et al., 2019; Davies and Imbroscio, 2009; MacLeod and Jones, 2011), развивающих теорию новой городской политики, разработанную в 1980-х годах П. Петерсоном (Peterson, 1981)

и постулирующую, что успешность развития городов напрямую зависит от способностей городских властей привлекать государственные инвестиции и средства поддержки. Продолжает развиваться в зарубежной литературе и схожая теоретическая концепция “государственного масштабирования” (*state rescaling*), предложенная Н. Бреннером, согласно которой современное экономическое процветание городов предопределяется конкретными политическими решениями и территориальными приоритетами государственной власти (Brenner, 2004).

И хотя в исследованиях городского развития и отмечается важная роль фактора политики, которую государство ведет в отношении городских территорий, в научно-исследовательском и экспертном поле в России пока отсутствует полноценное представление о том, как она выстроена. Опубликовано множество работ, в которых анализируется состав и эффективность действовавших в определенный период мер государственной поддержки только отдельных типов городов — например, малых городов (Лазарев, 2007), моногородов (Иванов, Бухвальд, 2017; Макиева, Криворогов, 2011; Оборин и др., 2018), наукоградов (Требушкова, 2022), Москвы (Кузнецова, 2016). Однако всесторонний анализ того, сколько и каких мер государственной политики действует в отношении городов в целом, каким городам на практике отдается приоритет при распределении средств и мер государственной поддержки, в российском исследовательском поле пока не проводился.

Проведение такого анализа отчасти осложнено тем, что в настоящее время статус городов в Российской Федерации однозначно не закреплен в нормативно-правовом регулировании, поэтому и федеральная поддержка социально-экономического развития городов сохраняется в гибридной форме в общей системе государственной поддержки социально-экономического развития территорий. Федеральная поддержка развития территорий имеет очень сложную конфигурацию и может быть систематизирована по-разному в зависимости от исследовательских задач и вопросов.

Ключевой задачей данного исследования является выявление географических закономерностей распределения прямой финансовой федеральной поддержки развития городов России. Ее решение возможно только посредством анализа тех федеральных мер поддержки, для которых возможна точная географическая привязка финансовых ресурсов. Федеральные меры, для которых невозможно установить привязку с точностью до муниципального образования или определенного их типа, в анализ включены

не были. Соответственно, в работе речь идет о мерах, масштаб которых составляет 2–3% в сравнении с объемом расходов федерального бюджета или 20–25% с объемом межбюджетных трансфертов, направляемых из федерального бюджета регионам.

Все действующие меры федеральной поддержки развития территорий можно разделить на несколько групп в зависимости от механизма реализации:

- прямая финансовая поддержка развития территорий, осуществляемая через систему межбюджетных отношений;
- прямые расходы федерального бюджета на создание объектов на территориях, реализуемые в рамках государственных программ Российской Федерации;
- поддержка акторов (физических и юридических лиц, некоммерческих организаций), действующих на территориях, осуществляемая через отраслевые меры поддержки на федеральном уровне;
- косвенная поддержка развития территорий, осуществляемая в регуляторной форме, которая предполагает установление в их пределах различных льгот, нормативов, правил и принципов.

Данное исследование сфокусировано на анализе только первой группы мер федеральной поддержки городов страны из перечисленных, так как изучение особенностей действия и распределения других трех групп мер поддержки либо не представляется возможным, либо нецелесообразно ввиду большой изученности. Прямые расходы федерального бюджета на создание объектов на территориях городов (вторая группа мер федеральной поддержки территорий) в настоящее время не представляется возможным оценить, так как с 2017 по 2024 г. несколько раз менялась форма управления этими средствами. До 2024 г. средства учитывались в федеральной адресной инвестиционной программе, которую администрировало Минэкономразвития России. В 2024 г. ведение реестра передали в Минстрой России. А с 2025 г. непосредственно реестр аккумулируется на портале “Электронный бюджет” Минфина. В результате этих преобразований в настоящее время недоступны ретроспективные данные по составу реестра. Из-за этих сложностей было решено отказаться от рассмотрения такой формы поддержки в рамках данного исследования.

Открытые данные также не позволяют оценить территориальные аспекты поддержки акторов. Поэтому в данной статье они также не будут рассматриваться, хотя и занимают важное место в федеральных расходах и оказывают прямое влияние на развитие городов (например,

льготные ипотечные программы или программы стимулирования развития промышленности).

Косвенные же меры федеральной поддержки территорий, большая часть которых связана с предоставлением тех или иных видов льгот отдельным территориям (в рамках преференциальных режимов развития территорий) или типам территорий (в частности, сельским населенным пунктам), уже подробно описаны ранее в научных работах [например, (Землянский, Чуженькова, 2022; Котов, 2022)]. Так, по данным Минфина России, в 2021–2024 г. общий объем налоговых расходов Российской Федерации по федеральным льготам составил 44.3 трлн руб., а льгот, имеющих территориальную привязку (в рамках преференциальных режимов развития территорий, отраслевых мер, имеющих территориальные ограничения) — 2.3 трлн руб., то есть сумму, сопоставимую с объемом полученных муниципальными образованиями межбюджетных трансфертов по федеральным мерам поддержки. В связи со значительной изученностью в данной работе они также не были рассмотрены.

Существует и поддержка развития городов на уровне субъектов Российской Федерации, которая может выражаться в тех же формах, что и на федеральном уровне. Источниками средств для нее могут быть собственные доходы бюджетов субъектов Российской Федерации (налоговые и неналоговые доходы, дотации из федерального бюджета). Однако данный вид поддержки не входит в поле настоящего исследования.

ДАнные И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая логика реализации межбюджетных отношений, которые являются “проводником” прямых инструментов поддержки территорий, подразумевает иерархию движения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы. Это означает, что необходимо уточнить статусы получателей поддержки городов при проведении анализа.

В настоящее время действуют различные статусы городов с точки зрения системы межбюджетных отношений: города — субъекты Российской Федерации, города — муниципальные образования (ситуации, когда вся территория муниципального образования — это тот или иной город в соответствии с системой административно-территориального деления), города в составе муниципальных образований (когда на территории муниципального образования есть и другие населенные пункты). Изменение границ и состава муниципальных образований последних лет существенно усложнило анализ развития городов. Принятие нового закона

о местном самоуправлении в 2025 г.² только усилит процесс укрупнения муниципальных образований. Поэтому в рамках данного исследования рассматривается объединенная группа муниципальных образований — муниципальные образования, на территории которых расположены города. По состоянию на начало 2025 г. в Российской Федерации было 1125 городов (за исключением городов, входящих в состав городов федерального значения, без учета муниципальных образований на территории Донецкой и Луганской Народных Республик, Херсонской и Запорожской областей). Все они расположены на территории 1036 муниципальных образований второго уровня (городских и муниципальных округов, муниципальных районов).

Рассматриваемый период определяется временными рамками, в пределах которых доступны статистические данные. Ключевое ограничение — это данные по всем бюджетам муниципальных образований, которые доступны только за период с 2020 г. Поэтому в рамках исследования анализируется временной промежуток с 2020 по 2024 г. включительно — период реализации так называемого “бюджетного импульса” развития экономики и региональной инфраструктуры. По сравнению с предшествующими годами “стагнации” в российской экономике и консервативной бюджетной политики, в ходе него были кратно увеличены расходы федерального бюджета на развитие инфраструктуры в регионах и муниципальных образованиях. Произошло это за счет реализации национальных проектов и инициатив Правительства Российской Федерации. В частности, объем межбюджетных трансфертов (далее — МБТ) из федерального бюджета с 2019 по 2023 г. (пик на рассматриваемом интервале) увеличился в 1.6 раза в номинальном выражении. С 2024 г. объем поддержки начал сокращаться, что было официально закреплено в основах бюджетной политики Российской Федерации³.

Разные уровни бюджетной системы (разный набор полномочий, разные источники доходов) не позволяют сравнивать между собой города федерального значения и муниципальные образования, поэтому рассмотрим их раздельно.

² Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти”. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (дата обращения 05.08.2025).

³ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=308751-osnovnye_napravleniya_byudzhethoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_rossiiskoi_federatsii_na_2025_god_i_na_planovyi_period_2026_i_2027_godov (дата обращения 06.08.2025).

Для того, чтобы выявить федеральные расходы на развитие городов, необходимо провести анализ собственно федеральных мер поддержки, выделить из них те, которые содержательно в большей мере относятся к развитию городов. К мерам поддержки муниципальных образований напрямую не относятся нецелевые виды МБТ из федерального бюджета регионам, которые предоставляются для реализации собственных полномочий субъектов Российской Федерации. В рамках данного исследования анализируются только целевые меры федеральной поддержки, которые в виде МБТ доходят до муниципальных образований через региональные бюджеты. Субъекты Российской Федерации имеют разные уровни софинансирования⁴ по целевым МБТ, причем эти уровни могут различаться в зависимости от конкретной меры поддержки. В данной работе мы не делали поправку на такую особенность из-за сложности и трудоемкости подобной оценки, но учитывали при интерпретации результатов.

Выделить интересующие нас целевые МБТ можно используя данные Минфина России. С использованием сопоставительной таблицы целевых статей расходов и кодов видов доходов, применяющихся при составлении и исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, формируемой ежегодно Минфином России (например, таблица на 2024 г.⁵), выявляются конкретные межбюджетные трансферты, которые формируются на федеральном уровне, а в дальнейшем предоставляются субъектами муниципальным образованиям.

После формирования перечня МБТ — федеральных мер поддержки, каждый трансферт был “вручную” классифицирован авторами в зависимости от направления предоставления средств по отраслям. Основаниями для классификации являлись полная формулировка наименования МБТ, вид МБТ и направление расходов (определяемое по коду бюджетной классификации). Направления мер поддержки не в полной мере соответствуют наименованиям государственных программ и национальных проектов, в рамках

⁴ Под уровнем софинансирования целевых МБТ понимается доля расходов на реализацию проекта или меры поддержки, которая покрывается средствами федерального бюджета.

⁵ Сопоставительная таблица целевых статей расходов и кодов видов доходов, применяющихся при составлении и исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, начиная с бюджетов на 2024 г. и плановый период 2025 и 2026 гг. https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/classandaccounting/metod?id_65=304199-sopostavitelnaya_tablitsa_tselevykh_statei_raskhodov_i_kodov_vidov_dokhodov_primenyayushchikhsya_pri_sostavlenii_i_ispolnenii_byudzhetrov_byudzhethoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii_nachinaya_s_byudzhetrov_na_2024_god_i_planovyi_period_2025_i_2026_godov (дата обращения 06.08.2025).

которых они реализуются. Это связано со значительным дублированием мер между разными программами. Например, поддержка инфраструктуры образовательных организаций может осуществляться в рамках государственных программ “Развитие образования”, “Комплексное развитие сельских территорий” (далее — КРСТ), “Обеспечение жильем и коммунальными услугами” и территориальных государственных программ.

На основе открытых данных портала “Электронный бюджет” об исполнении доходов и расходов местных бюджетов (использовались наборы данных “Объем поступлений по доходам, в рублях”, 7710568760-ASFКDONKASSA и “Расходы бюджетов субъектов и муниципальных образований по данным АСФК”, 7710568760-ASFКМОEXPENSES) была сформирована база данных доходов консолидированных бюджетов муниципальных образований второго уровня, включающая полную информацию по всем источникам доходов. Отметим, что в наборах данных на портале “Электронный бюджет” данные об исполнении бюджетов муниципальных районов публикуются в неконсолидированном виде. Сведения о доходах именно консолидированных бюджетов для каждого из муниципальных районов были рассчитаны авторами самостоятельно посредством вычитания из суммы доходов бюджетов муниципального района и всех входящих в него поселений общей суммы расходов их бюджетов с кодом группы вида расходов 5 “Межбюджетные трансферты” (третья с конца цифра кода классификации расходов бюджетов согласно Приказу Минфина⁶). После формирования базы доходов консолидированных бюджетов из числа источников доходов муниципалитетов вычленены именно те, которые были определены с помощью сопоставительной таблицы как федеральные меры поддержки муниципальных образований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Меры прямой федеральной поддержки в отношении субъектов Российской Федерации и муниципальных образований реализуются через **программные механизмы**. Количество их регулярно меняется. В 2024 г., например, действовало 49 государственных программ на федеральном уровне (далее — ГП) и еще 2 тер-

риториальных федеральных целевых программы (далее — ФЦП). 23 из них имеют наибольшее значение для развития территорий. Среди них 9 являются территориальными, то есть имеют четкую территориальную привязку: одна — ГП “Развитие федеративных отношений”⁷ — касается всех субъектов Российской Федерации, и 8 — отдельных групп субъектов. Остальные программы являются отраслевыми.

Общий объем финансирования по данным программам по итогам 2024 г. составил около 7.6 трлн руб. или 19% от всех расходов федерального бюджета за год. Наиболее масштабными по объему финансовых ресурсов являются отраслевые государственные программы (“Развитие транспортной системы”, “Развитие здравоохранения”, “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”, “Развитие образования”, “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности” и др.) (рис. 1).

На территориальные программы приходилось около 1.8 трлн руб. или 4.4% расходов федерального бюджета. При этом самой масштабной из них остается ГП “Развитие федеративных отношений”, в рамках которой в том числе распределяются и дотации на выравнивание, не являющиеся непосредственно инструментом развития. Большая часть МБТ, которые предоставляются муниципалитетам, реализуются именно в рамках этих государственных программ.

Города федерального значения имеют разную бюджетную ситуацию. Если Москва и Санкт-Петербург характеризуются одними из наиболее благополучных бюджетных показателей среди субъектов Российской Федерации, то Севастополь относится к регионам с низким уровнем бюджетной обеспеченности. В качестве индикатора можно использовать показатель уровня расчетной бюджетной обеспеченности, который характеризует соотношение налогового потенциала и условий для бюджетных расходов (при балансе должен быть равен 1.0). Этот показатель влияет на распределение дотаций на выравнивание⁸, уровень софинансирования по мероприятиям национальных проектов⁹, выступает как

⁷ Полное название данной ГП — “Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами”.

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2004 № 670 “О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации”. <https://base.garant.ru/187556/> (дата обращения 07.08.2025).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.07.2025 № 2006-п. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507280018> (дата обращения 07.08.2025).

⁶ Приказ Минфина России от 24.05.2022 № 82 н “О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения”. <https://ivo.garant.ru/#/document/404917355/paragraph/1:0> (дата обращения 07.08.2025).

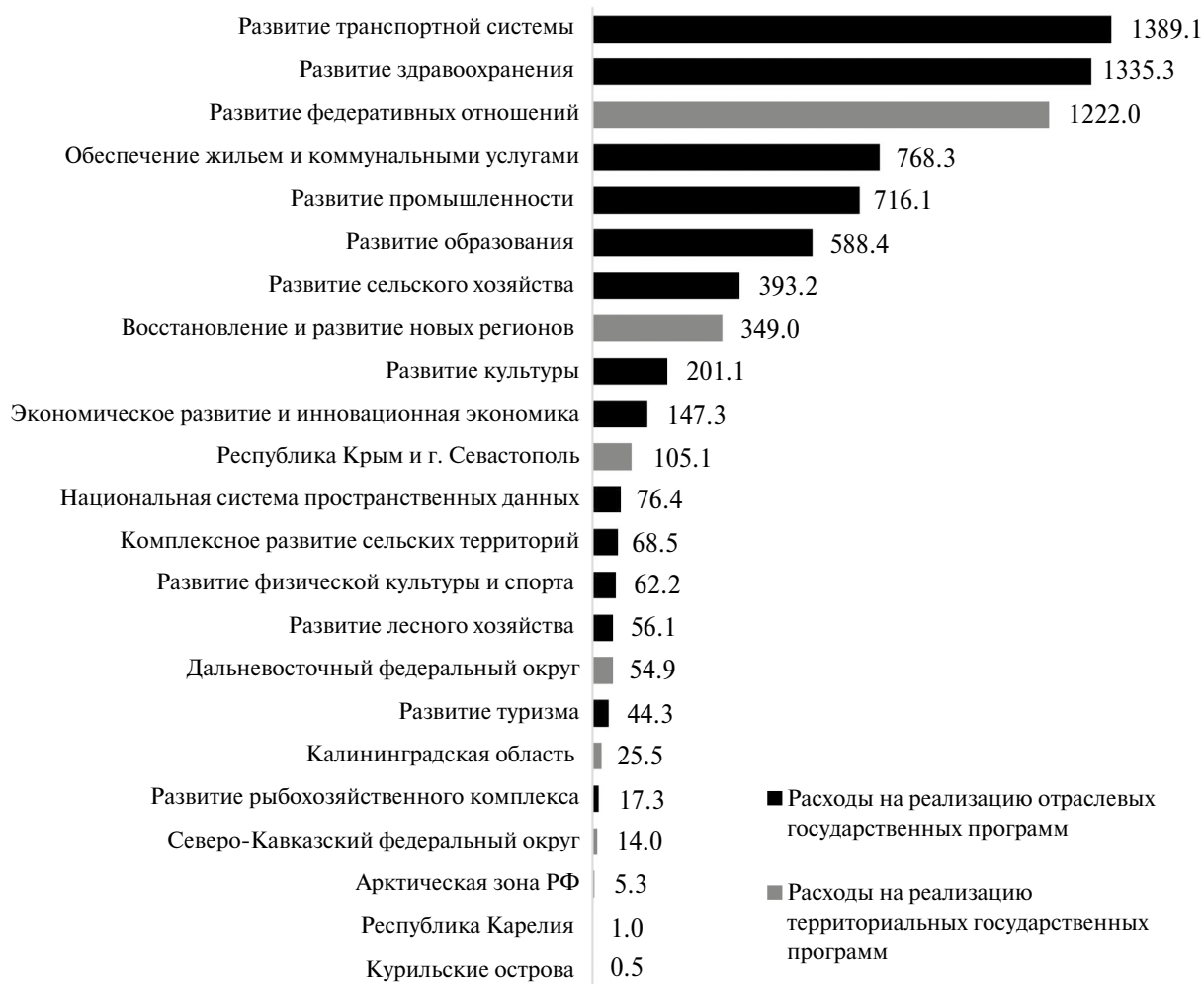

Рис. 1. Расходы федерального бюджета на реализацию отдельных государственных и федеральных целевых программ на 2024 г., млрд руб.

Примечание: на диаграмме указаны сокращенные названия государственных программ.

Составлено авторами по данным Федерального закона от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50087> (дата обращения 07.08.2025).

один из показателей при распределении других межбюджетных трансфертов. На 2025 г. для Москвы установлен показатель 2.417, Санкт-Петербурга — 1.945, а для Севастополя — 0.596.

Москва и Санкт-Петербург оказываются заведомо ограничены в получении значительной части МБТ, в то время как Севастополь, наоборот, аккумулирует их в приоритетном порядке. Однако фактически распределение не столь однозначно. В период 2020–2024 гг. на Москву пришлось порядка 1.7%¹⁰ от всего объема МБТ регионам из федерального бюджета (326.3 млрд руб. или 13 место среди всех регионов), на Севастополь — 1.2% (224.5 млрд руб., 33 место), а на Санкт-Петербург — 1.1% (206.1 млрд руб., 39 место) (рис. 2). В расчете на одного жителя

¹⁰ Здесь и далее без учета федеральной территории «Сириус».

позиции Москвы и Санкт-Петербурга намного скромнее. Они занимают 84 и 83 места по душевому объему МБТ среди всех субъектов РФ¹¹ со значениями 24.6 и 36.5 тыс. руб. на чел. соответственно (в целом по субъектам РФ — 131.0 тыс. руб.). При этом Севастополь — один из лидеров по душевому показателю — 10 место (402.1 тыс. руб. на чел.).

В муниципальных образованиях, на территории которых расположены города, в среднем в 2020–2024 гг. проживало 81.0% населения страны. При этом их доля в налоговых и неналоговых доходах консолидированных бюджетов муниципальных образований составляла 80.6%, в объеме МБТ — только 72.6%, а в общем объеме доходов — 75.3%.

¹¹ Без учета Донецкой и Луганской народных республик, Херсонской и Запорожской областей.

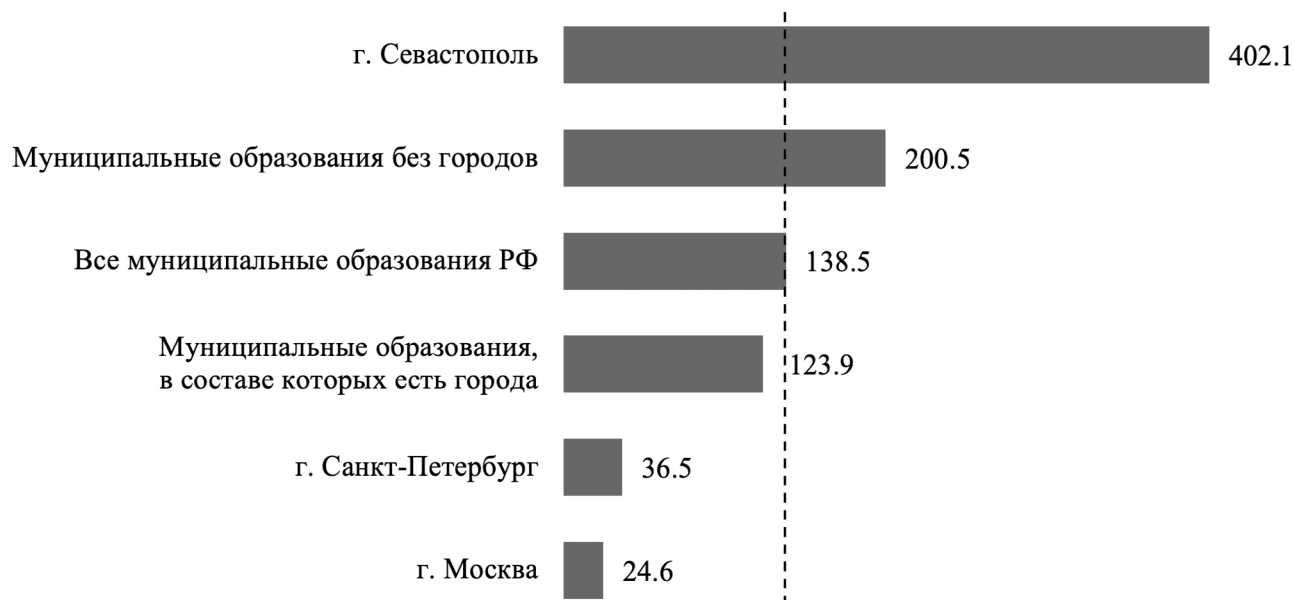

Рис. 2. Объем межбюджетных трансфертов в расчете на 1 жителя в 2020–2024 гг., тыс. руб./чел. в год.
Составлено авторами по данным Казначейства России и Росстата.

Объем всех МБТ, получаемых муниципальными образованиями, превышает тот, что направляется в федеральные города. В целом за 5 лет муниципальные образования в расчете на одного жителя получили доходов в виде МБТ от субъектов в размере 160.5 тыс. руб./чел., в том числе муниципалитеты с городами в составе — 149.1 тыс. руб./чел. (т.е. в 4–5 раз больше Москвы и Санкт-Петербурга), в то время как в остальных муниципальных образованиях объем помощи составлял 201.0 тыс. руб. на 1 жителя. При этом не все из МБТ являются реальными мерами поддержки и далеко не все из них инициированы на федеральном уровне.

В 2020 г. на трехлетний период было установлено 232 целевых МБТ из федерального бюджета субъектам РФ. Из них 164 (70.6%) были в дальнейшем направлены в муниципальные образования. В 2024 г. установлено 299 целевых МБТ, из которых только 185 (61.9%) доходили потом до муниципалитетов. За период с 2020 по 2024 г. в общей сложности из федерального бюджета, через бюджеты субъектов Российской Федерации, в муниципальные образования (далее — прямая помощь из федерального бюджета) было направлено 469 уникальных трансфертов, 55 из них составляют субвенции. Последние предоставляются не всем муниципальным образованиям и не всегда на регулярной основе, часто субвенции выступают «парными мерами» с субсидиями и направлены на дополнительное развитие сфер по переданным муниципалитетам полномочиям совместного ведения (например, по обеспечению жильем детей-сирот), поэтому

в данном анализе мы включаем их в состав федеральной помощи.

Общий объем прямой помощи из федерального бюджета в 2020–2024 гг. составил 4.2 трлн руб. или 33.0 тыс. руб. на 1 жителя. Эта сумма формирует порядка 20.6% от общего объема МБТ, поступившего за этот период в муниципальные бюджеты или 13.5% всех доходов консолидированных бюджетов муниципалитетов, что нельзя назвать значительной суммой. При этом охват поддержкой достаточно широкий — за этот период хотя бы раз прямую поддержку из федерального бюджета получили 73% муниципальных образований России.

На муниципальные образования, в составе которых есть города, пришлось 76.9% от всей прямой федеральной поддержки муниципалитетам России. Для городских муниципалитетов она оказалась и более значима в общей структуре доходов: на прямую поддержку пришлось 21.8% от всех безвозмездных поступлений или 13.8% от всех доходов, в то время как у других муниципальных образований — 17.3 и 12.6% соответственно. При этом в расчете на одного жителя в городские муниципалитеты направлялось чуть меньше федеральной поддержки: 32.5 тыс. руб. на 1 жителя у городов против 34.8 тыс. руб. в других муниципальных образованиях.

За весь период города — столицы субъектов РФ получили 29.9% от всей прямой поддержки муниципалитетов, что даже меньше их доли в населении (32.6%). В расчете на 1 жителя различия умеренны: столицы субъектов получили в среднем 30.2 тыс. руб. на 1 жителя

за 5 лет, нестоличные городские муниципальные образования — 34.2 тыс. руб., а нестоличные муниципалитеты без городов в составе — 34.4 тыс. руб./чел.

В целом государственная поддержка муниципалитетов распределяется пропорционально численности населения с некоторым приоритетом в пользу малых муниципальных образований. Так, на малые муниципалитеты приходится 33.9% прямой поддержки (хотя их доля в численности населения составляет 28.2%), в то время как крупнейшие города получили 9.2% поддержки (при доле в населении — 11.5%), а миллионники — 10.8% (13.3%). Аналогичное соотношение показателей демонстрируют и данные об объемах поддержки в расчете на 1 жителя. Объем поддержки малых муниципальных образований в 1.2 раза больше среднего по стране (а малых муниципальных образований с городами в составе — в 1.25 раза) и в полтора раза больше поддержки, оказываемой городам-миллионникам.

Важно отметить, что в ущемленной позиции оказываются средние по людности муниципальные образования (от 50 до 100 тыс. жителей). Это связано с правилами распределения МБТ, в которых регулярно прописываются количественные ограничения по численности населения получателей. Меры поддержки малых городов и сельских территорий часто ограничиваются 50 тыс. жителей. В результате объем поддержки средних муниципалитетов (с численностью на-

селения от 50 до 100 тыс. жителей) оказывается меньше не только поддержки малых городов (на 26.3%), но и территорий с большими городами в составе (на 16.0%).

Казалось бы, в целом по всем муниципальным образованиям страны можно зафиксировать приоритет поддержки территориям без городов по сравнению с городскими муниципальными образованиями, но внутри отдельных групп муниципалитетов по людности негородские муниципалитеты оказываются в худшем положении (рис. 3).

Сразу 23 муниципальных образования смогли получить за 5 лет более 0.5% от всей прямой поддержки муниципалитетов. С учетом того, что, как уже показано, базовое распределение пропорционально численности населения, все они входят в число крупнейших муниципалитетов страны. Лидерами по объемам поддержки, которым удалось привлечь более 1% всех средств прямой поддержки, стали Ростов-на-Дону, Челябинск и Краснодар. В первой десятке городов оказались и несколько немилионников: Киров, Улан-Удэ, близкие к ним Ставрополь, Курск. Наилучшее положение среди нестоличных городов занял Одинцовский городской округ. Высокими показателями выделялись Балашиха, Дербент.

Дифференциация по привлечению средств поддержки в расчете на 1 жителя очень высока (рис. 4). 95 городам удалось привлечь более 100 тыс. руб. на 1 жителя. В целом среди лидеров доминируют представители геостратегических территорий — Дальнего Востока (Курильский городской округ,

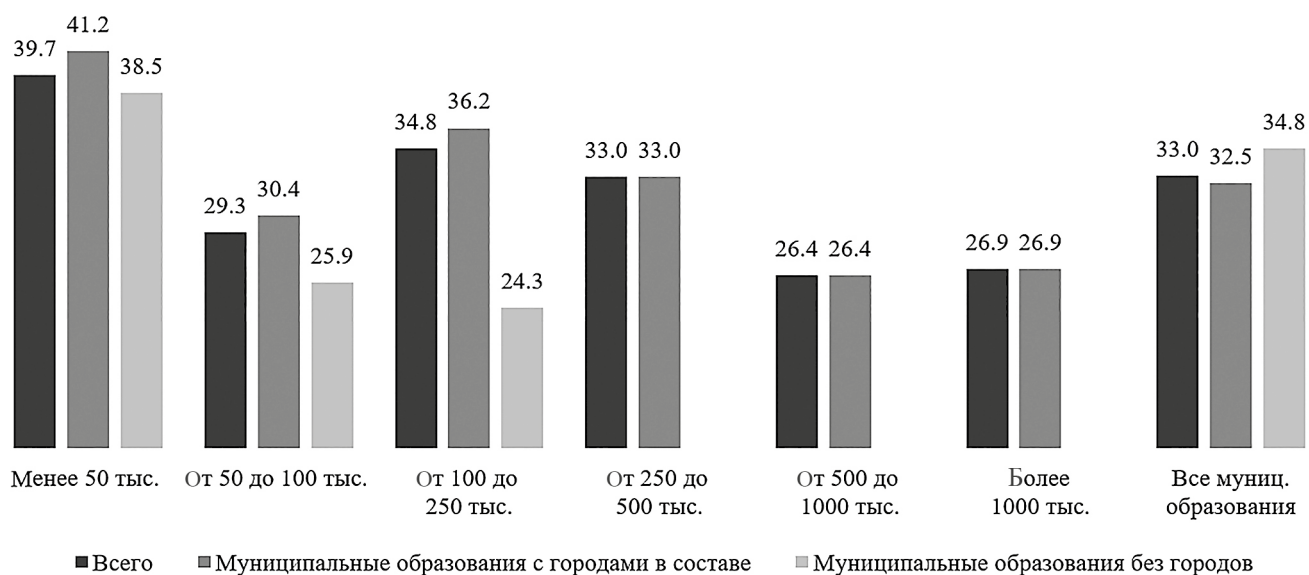

Рис. 3. Суммарный объем федеральной поддержки, предоставленной муниципальным образованиям России разной людности (тыс. чел.), в том числе с наличием и отсутствием городов в составе, в 2020–2024 гг. в расчете на одного жителя, тыс. руб./чел.

Составлено авторами по данным Казначейства России и Росстата.

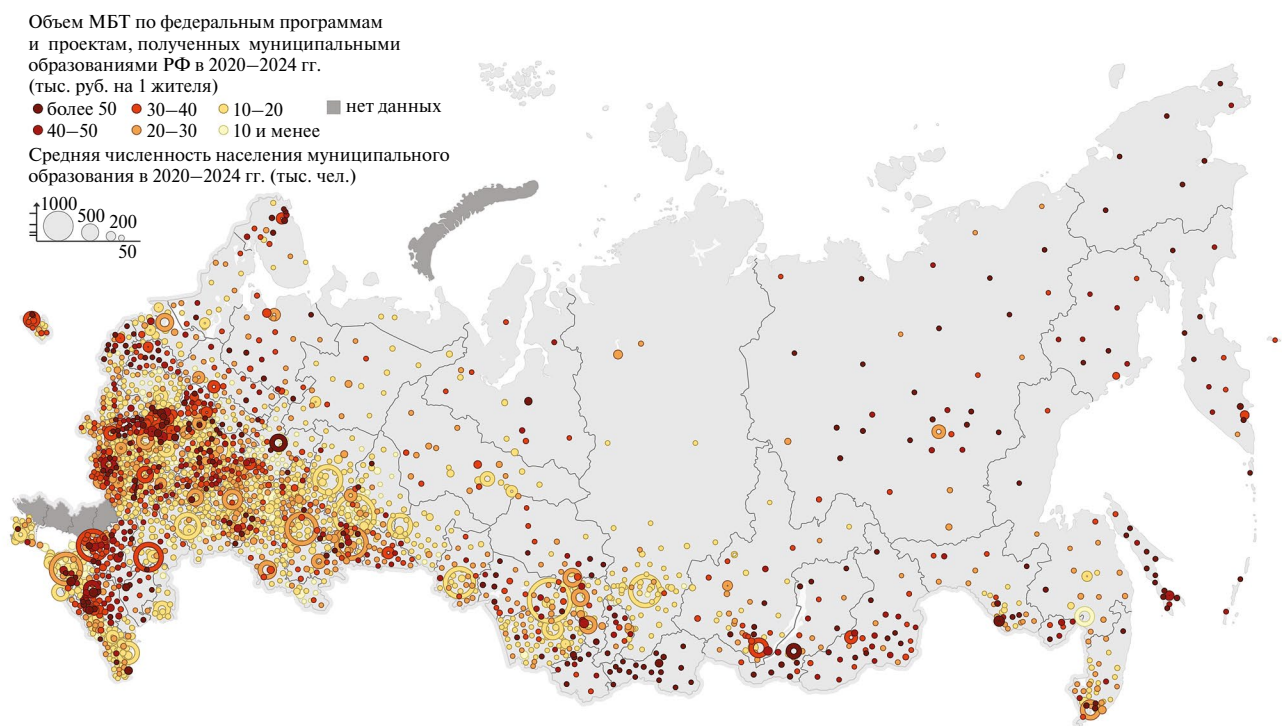

Рис. 4. Объем прямой федеральной поддержки муниципальных образований России в 2020–2024 гг., тыс. руб. на 1 жителя.

Составлено авторами по данным Казначейства России и Росстата.

Свободный, Северобайкальск, Закаменск, Анадырь), Северного Кавказа (Дербент, Кисловодск), несколько ЗАТО и представителей регионов, где реализуются индивидуальные программы развития, а также города на территории субъектов РФ с низким уровнем бюджетной обеспеченности. Таким территориям легче привлекать федеральные средства, во-первых, из-за меньшего уровня софинансирования, во-вторых, из-за формально закрепленных в документах стратегического планирования федерального уровня приоритетов при предоставлении поддержки.

Важно отметить, что среди муниципалитетов, получивших меньше всех федеральных средств, много представителей менее развитых регионов Северного Кавказа (Сунжа, Назрань, Карабулак, Моздок), которые, видимо, менее эффективно работают над привлечением поддержки или не могут обеспечить даже минимальный уровень софинансирования из своих бюджетов. Также очень небольшие объемы поддержки характерны для малых городов Свердловской области, Краснодарского края, Пермского края — регионов, где много малых и средних городов, но поддержка явно концентрируется в более крупных муниципальных образованиях.

Один из крупнейших городов, получивший меньше всего прямой федеральной поддерж-

ки — Казань (только 10.9 тыс. руб. на 1 жителя за 5 лет). Отчасти это может быть связано и с особенностями перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами власти субъекта Российской Федерации, которые сложились в Республике Татарстан: если значительная часть полномочий передана на уровень субъекта, то и финансирование крупных проектов (в том числе в Казани) в рамках этих полномочий ведется непосредственно из регионального бюджета, а не бюджетов муниципальных образований.

По направлению трансферты, рассматриваемые нами в составе прямой федеральной поддержки муниципалитетов, очень разнообразны. По общему количеству МБТ самыми популярными направлениями являются развитие образования (16%), культура (12%) и городская среда (11%). Около 4% от всех видов трансфертов приходится на реализацию территориальных государственных программ Российской Федерации.

Несмотря на столь широкое разнообразие перечня трансфертов, существенный объем имеют далеко не все виды поддержки. Федеральная политика в отношении муниципалитетов носит ярко выраженный социальный характер (табл. 1). На сферу образования пришлось 30.0% от всей поддержки муниципалитетов по фе-

Таблица 1. Распределение прямой федеральной поддержки развития муниципалитетов России в 2020–2024 гг. по направлениям, % от поддержки по категории муниципальных образований

Направление поддержки	Все муниципальные образования	Муниципальные образования, в составе которых есть города	В том числе по численности, чел.						Другие муниципальные образования
			Менее 50 тыс.	От 50 до 100 тыс.	От 100 до 250 тыс.	От 250 до 500 тыс.	От 500 до 1000 тыс.	Более 1000 тыс.	
Образование	30.0	30.0	23.2	26.7	25.8	33.5	40.3	37.0	30.3
Жилье и городская среда	11.0	11.2	18.0	15.5	9.8	7.4	8.6	5.8	10.3
Социальная политика	8.6	8.3	6.8	11.0	11.0	6.0	6.4	8.0	9.5
Транспорт	5.3	6.4	1.4	2.2	3.9	12.0	10.7	11.7	1.8
Экология	4.0	4.9	3.2	3.7	4.7	6.5	5.5	6.6	1.0
КРСТ	2.3	0.9	3.3	1.6	0.2	0.0	0.0	0.0	6.9
Культура	1.9	1.4	2.8	1.9	1.0	0.9	0.5	0.8	3.3
ДФО	1.1	1.1	2.0	0.8	1.3	0.8	1.5	0.0	0.9
Экономика	1.1	1.1	1.3	1.6	1.9	0.4	0.6	0.6	0.8
Физкультура и спорт	0.8	0.8	1.0	0.7	1.3	0.6	0.6	0.3	0.7
Здравоохранение	0.3	0.3	0.2	0.5	0.4	0.1	0.1	0.5	0.3
СКФО	0.2	0.3	0.0	0.0	1.3	0.1	0.0	0.0	0.1
Крым и Севастополь	0.2	0.2	0.4	0.7	0.2	0.1	0.0	0.0	0.1
Арктика	0.1	0.1	0.4	0.1	0.0	0.1	0.0	0.0	0.1
Молодежная политика	0.1	0.1	0.1	0.2	0.1	0.0	0.0	0.0	0.0
Другое	33.1	32.8	36.0	32.7	37.1	31.5	25.3	28.7	34.0
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Составлено авторами по данным Казначейства России и Росстата.

деральным мерам, еще 11.0% — на жилищную сферу и городскую среду. Около 8.6% средств направляется на социальную политику. На 10 крупнейших по объему МБТ приходится сразу 50% поддержки. Роль инструментов других направлений не столь велика. На меры поддержки экономического развития в муниципалитетах, прямо или косвенно (через госпрограммы развития ДФО, СКФО, Крыма и Севастополя, ИПР), пришлось в сумме только 3.8% средств.

При этом меры могут дублироваться между программами. Так, самое затратное по объему средств направление, связанное со строительством и реконструкцией школ (строительством, организацией новых мест в школах, ликвидацией третьей смены и др.), может быть реализовано сразу через 5 мер в разных программах; поддержка классных руководителей — через 3 инструмента; программы КРСТ (2.3% от всей поддержки) — через 4 отдельных меры, так же как и поддержка АПК (0.2% от всей поддержки). Например, поддержка театров (0.1% от всего объема) распределена тоже между 4 МБТ. Такое разнообразие видов поддержки, с одной стороны, открывает возможности для каждого муниципалитета получить ее хотя бы по одному из направлений, с другой стороны, “распыление” поддержки между разными инструментами не создает возможности ее концентрации и глобального решения проблем территорий, а скорее обеспечивает локальное точечное влияние.

Различия структуры федеральной поддержки по направлениям между “городскими” и “сельскими” муниципальными образованиями не носят принципиального характера (см. табл. 1). И у первых, и у вторых наибольшая доля поддержки приходится на три ключевых сферы: образование, жилье и городскую среду, социальную политику. При этом у городов роль средовой политики немного выше (11.2% всех расходов) по сравнению с сельскими территориями (10.3%), а роль социальной политики ниже (8.3% против 9.5%). Последнее связано с более высоким уровнем доходов и меньшей концентрацией льготников. Но есть сферы именно “городской поддержки”. Прежде всего, это развитие транспортной системы (6.4% всей поддержки городов против 1.8% у сельских территорий), экологическая политика, которая представлена в основном проектами по строительству и реконструкции очистных сооружений, модернизации систем теплоснабжения (4.9% против 1.0%). Сельскими сферами остаются поддержка КРСТ (хотя в рамках нее помощь получают и малые города), культура.

Структура поддержки существенно различается по городам разной людности. Федеральная

поддержка в малых городах приобрела “средовой характер” — львиная доля средств направляется на проекты благоустройства, комплексное развитие сельских территорий. По мере увеличения численности населения города растет доля федеральной поддержки развития образования (с 23.2% в малых муниципалитетах до 40.3% в крупнейших городах) и снижается доля поддержки жилья и городской среды в общей структуре (с 15.5% в малых муниципалитетах до 5.8% в городах с населением более 1 млн чел.). Очень небольшую роль в малых муниципальных образованиях играет поддержка транспортного комплекса (только 2.2%), в то время как в городах с населением более 250 тыс. чел. именно транспорт является второй по значимости сферой (10.7 и 11.7%). По мере увеличения людности растет роль экологической политики в общей структуре поддержки муниципалитетов. Здесь помимо миллионников выделяются также крупные города, среди которых много промышленных центров. В малых и средних городах несколько большую роль играет поддержка культуры, физкультуры и спорта. Можно также зафиксировать, что территориальные ГП (СКФО, Крым и Севастополь, ДФО, Арктика) больше ориентированы на малые и средние города.

ВЫВОДЫ

Федеральная политика в отношении муниципальных образований очень разнообразна и выражена как в прямых мерах поддержки, реализуемых через МБТ, так и в косвенных мерах регуляторного характера. При этом масштабы прямой поддержки все же больше, чем косвенных мер, выраженных в формате льгот.

Отследить реализацию прямых федеральных мер в муниципальных образованиях можно через стыковку между собой МБТ, направляемых из федерального бюджета в бюджеты субъектов Российской Федерации, и МБТ из бюджетов субъектов в бюджеты муниципальных образований.

Относительный объем поддержки в городах федерального значения разный: для Москвы и Санкт-Петербурга он невелик, в 15–20 раз меньше среднего душевого объема поддержки МБТ, предоставляемых субъектами РФ муниципалитетам, а для Севастополя он, напротив, существенен и в два раза превышает поддержку среднестатистического муниципалитета.

Несмотря на разнообразие, роль прямой федеральной поддержки муниципалитетов даже в период “бюджетного импульса” не очень значительна — она составляет только 13% от всех доходов консолидированных бюджетов

муниципальных образований или 1/5 от всего объема МБТ. Однако вариативность существующих мер позволяет большинству муниципалитетов получить поддержку — за пять лет 3/4 муниципальных образований получили тот или иной вид прямой поддержки из федерального бюджета.

Ключевое влияние на территориальное распределение оказывают два фактора: людность муниципального образования и географическое положение в составе геостратегической территории.

Приоритеты прямой федеральной поддержки явно ориентированы на малые муниципальные образования с численностью населения менее 50 тыс. чел. При этом поддержка городских муниципалитетов выше, чем территорий без городов в составе, в пределах одних групп людности. В “ущемленном” положении оказываются не только крупнейшие (более 500 тыс. жителей) города, но и средние (от 50 до 100 тыс. жителей) муниципальные образования. Это может быть связано с особенностями правил распределения отдельных видов поддержки, введением ограничений при предоставлении отдельных видов трансфертов именно по границе в 50 тыс. жителей.

В базовых приоритетах федеральной поддержки оказываются муниципалитеты, расположенные на геостратегических территориях (Дальний Восток, Крым, Северный Кавказ).

Кроме географических факторов существенную роль играют и институциональные. Большие удельные объемы федеральной помощи получают города и другие муниципалитеты, расположенные на территориях с низким уровнем расчетной бюджетной обеспеченности, а также нестоличные муниципалитеты.

Можно зафиксировать дублирование мер между разными программами и “распыление” средств на небольшие мероприятия, что не дает получить существенный эффект.

В малых городах федеральная поддержка в большей степени ориентирована на средовые решения (создание объектов городской среды, физическую культуру и спорт, развитие учреждений культуры) и в меньшей степени охватывает направления повышения экономического потенциала (например, развитие транспортного комплекса), человеческого капитала. В крупных городах, напротив, фокус федеральной политики сдвинут на сферу образования, транспорт, экологическую повестку. Такая ситуация создает риски для дальнейших дисбалансов в развитии муниципалитетов. Повышение качества среды в малых городах без одновременного развития экономики в дальнейшем создаст существенную

нагрузку на муниципальные бюджеты по содержанию таких объектов, но не предотвратит отток населения в крупные города, где продолжают концентрироваться рабочие места, и предоставляется более качественное образование.

Таким образом, в период бюджетного импульса — волны значительного наращивания прямой поддержки из федерального бюджета развития территорий в 2020–2024 г. — в пользу муниципальных образований перераспределялся значительный объем ресурсов. При этом явным приоритетом государственной политики были малые города и сельские территории. На новом витке федеральной региональной политики после 2024 г., вместе с сокращением номинального и реального объема МБТ из федерального бюджета регионам и, через них, муниципалитетам, должны быть установлены более жесткие территориальные приоритеты. Инструментом для этого, в соответствии с обновленной Стратегией пространственного развития, должны стать опорные населенные пункты (ОНП), перечень которых определен в конце 2024 г. Однако перечень таких пунктов был определен достаточно широко. Муниципальные образования, в составе которых они находятся, в период 2020–2024 гг. получили 9/10 от всего объема поддержки по федеральным меркам. Соответственно, основные изменения географии федеральной поддержки должны будут происходить уже не между муниципалитетами разного типа, а внутри самих муниципальных образований со сдвигом поддержки именно в пользу собственно ОНП и в ущерб прилегающим территориям.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

FUNDING

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуллаев А.М., Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Медведникова Д.М. Социально-экономическое положение городских агломераций России в 2015–2021 гг. // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 3. С. 443–470. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.302>
- Буфетова А.Н. Социально-экономическое развитие городов России: основные тенденции и факторы // Мир экономики и управления. 2015. Т. 15. № 4. С. 124–138.

- Ворошилов Н.В.* Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. 2021. Т. 26. № 4. С. 54–74.
<https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74>
- Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г.* Факторы неравномерного развития российских городов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 5: География. 2013. № 2. С. 54–60.
- Денисов Е.А.* Социально-экономическая трансформация городов российского Севера. Дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Моск. гос. ун-т, 2018. 181 с.
- Дружинин П.В.* Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 115–140.
<https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>
- Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А.* Динамика социально-экономического развития муниципальных образований с преференциальными режимами на Дальнем Востоке в 2013–2020 гг. // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Науки о Земле. 2022. Т. 67. № 3. С. 431–453.
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.303>
- Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Махрова А.Г., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А.* Комплексный индекс социально-экономического развития городов России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. Т. 84. № 6. С. 805–818.
<https://doi.org/10.31857/S2587556620060114>
- Зубаревич Н.В.* Москва на фоне других крупнейших городов России: что показывает статистика // SPERO. Социальная Политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры. 2012. № 17. С. 57–68.
- Зубаревич Н.В.* Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
- Зубаревич Н.В.* Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // Общественные науки и современность. 2017. № 6. С. 5–21.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Развитие больших городов России в 2010-х годах // Региональные исслед. 2019. № 1. С. 39–51.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-4>
- Иванов О.Б., Бухвальд Е.М.* Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21.
- Котов А.В.* Оценка эффективности преференциальных режимов на муниципальном уровне // Вопросы территориального развития. 2022. Т. 10. № 1. <http://vtr.isert-ran.ru/article/29316> (дата обращения 07.08.2025).
<https://doi.org/10.15838/tdi.2022.1.61.1>
- Кузнецова О.В.* Москва как объект федеральной региональной политики // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. Т. 14. С. 606–621.
- Кузнецова О.В.* Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 26–40.
<https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2>
- Лазарев А.В.* Малые города в федеральной политике регионального развития // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 8 (47). С. 199–209.
- Макиева И.В., Кривоогов И.В.* Модернизация экономики моногородов // Финансы: теория и практика. 2011. № 5. С. 5–14.
- Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. 598 с.
<https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021>
- Маркин В.В., Малышев М.Л., Землянский Д.Ю.* Малые города России: комплексный мониторинг развития. Ч. 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4 (33). С. 46–55.
<https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-46-55>
- Нефедова Т., Трейвиш А.* Города и веси: поляризованное пространство России // Демоскоп Weekly. 2010. № 437–438. <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php> (дата обращения 06.08.2024).
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Динамика и состояние городов в конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 196–225.
- Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванова С.А.* Анализ результатов государственной поддержки и тенденций развития моногородов РФ // Государственное управление. Электронный вестн. 2018. № 68. С. 211–241.
- Система городов и пространственное развитие России / под ред. Л.Э. Лимонова. Международный центр социально-экономических исследований “Леонтьевский центр”. СПб.: МЦСЭИ “Леонтьевский центр”, 2024. 352 с.
- Смирнов И.П.* Средние города Центральной России. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. 165 с.
- Требушкова И.Е.* Географический анализ государственной политики в отношении наукоградов России // Уч. зап. Крымского фед. ун-та имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 20–35.
- Antonov E.V.* Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991–2014 // Reg. Res. Russ. 2018. Vol. 8. № 1. P. 16–33.
<https://doi.org/10.1134/S207997051801001X>

- Brenner N.* *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood.* Oxford, NY: Oxford Univ. Press, 2004. 351 p.
- Da Cruz N.F., Rode P., McQuarrie M.* New urban governance: A review of current themes and future priorities // *J. Urban Affairs.* 2019. Vol. 41. № 1. P. 1–19.
<https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1499416>
- Davies J., Imbroscio D.* *Theories of urban politics.* London: SAGE Publ. Ltd, 2009. 296 p.
- MacLeod G., Jones M.* Renewing urban politics // *Urban Stud.* 2011. Vol. 48. № 12. P. 2443–2472.
<https://doi.org/10.1177/0042098011415717>
- Peterson P.E.* *City limits.* Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981. 268 p.

Geographical Features of Federal Fiscal Support Distribution among Russian Cities through the Mechanism of Inter-Budget Transfers

D. Yu. Zemlyanskii^{a,*}, L. V. Kalinovskii^{a,**}, and D. M. Medvednikova^{a,***}

^a*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Center for Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Moscow, Russia*

*e-mail: zemlyanskiy-dy@ranepa.ru

**e-mail: kalinovskiy-lv@ranepa.ru

***e-mail: medvednikova-dm@ranepa.ru

The article examines the geographical differences in the distribution of direct federal financial support, implemented through the system of inter-budgetary relations, among Russian municipalities, which include cities. Based on data from the Federal Treasury, a database of consolidated budgets of Russian municipalities for 2020–2024 has been created. Of all municipal budget revenues, only those received as a result of the provision of federal support measures in the form of targeted inter-budget transfers have been considered. It has been established that support in general is distributed among municipalities proportionally to their population size, but less populated territories are a bit more prioritized. Smaller amounts of support are received by the largest cities and middle-sized municipalities with a population of 50 to 100 thousand inhabitants. There is no clear priority for rural areas in comparison with cities. The factor of having the status of a regional capital is not significant in the distribution of federal support. The sectoral structure of support funds varies significantly between urban municipalities with different population sizes: in small cities support is shifted in favor of environmental solutions, in large cities the focus is shifted to the development of education, transport infrastructure, and environmental policy. Geographically, priority is given to geostrategic territories and cities located in regions with lower levels of budget provision.

Keywords: municipalities, regional policy, inter-budget transfers, IBT, municipal budgets, urban geography

REFERENCES

- Abdullaev A.M., Zemlyanskii D.Yu., Kalinovskii L.V., Medvednikova D.M. Socioeconomic situation of Russian urban agglomerations in 2015–2021. *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2023, vol. 68, no. 3, pp. 443–470. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.302>
- Antonov E.V. Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991–2014. *Reg. Res. Russ.*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 16–33.
<https://doi.org/10.1134/S207997051801001X>
- Brenner N. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood.* Oxford, New York: Oxford University Press, 2004.
- Bufetova A.N. Socioeconomic development of cities of Russia: main tendencies and factors. *Mir Ekon. Upravl.*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 124–138. (In Russ.).
- Da Cruz N.F., Rode P., McQuarrie M. New urban governance: A review of current themes and future priorities. *J. Urban Aff.*, 2019, vol. 41, no. 1, pp. 1–19.
<https://doi.org/10.1080/07352166.2018.1499416>
- Davies J., Imbroscio D. *Theories of Urban Politics.* London: SAGE Publ., 2009.
- Denisov E.A. Socioeconomic transformation of cities of the Russian North. *Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation.* Moscow: Moscow State Univ., 2018. (In Russ.).
- Druzhinin P.V. The resource concentration in Moscow: impact on the economy of the Central federal district. *Prostr. Ekon.*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 115–140. (In Russ.).
<https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>

- Golubchikov O.Yu., Makhrova A.G. Factors of unequal development of Russian cities. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5: Geogr.*, 2012, no. 2, pp. 54–60. (In Russ.).
- Ivanov O.B., Buchwald E.M. Russian single-industry towns: From outsiders to leaders in economic development. *ETAP: Ekon. Teor., Analiz Prakt.*, 2017, no. 5, pp. 7–21. (In Russ.).
- Kotov A.V. Efficiency assessment of preferential treatment at the municipal level. *Vopr. Territ. Razv.*, 2022, vol. 10, no. 1. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/29316> (accessed: 07.08.2025). (In Russ.).
<https://doi.org/10.15838/tdi.2022.1.61.1>
- Kuznetsova O.V. Moscow as the federal regional policy object. *Nauch. Tr. Inst. Narodokh. Prognoz. RAN*, 2016, vol. 14, pp. 606–621. (In Russ.).
- Kuznetsova O.V. Concentration of economic activity in Moscow and Saint Petersburg: trends, factors, implications for the cities. *Vopr. Territ. Razv.*, 2018, no. 5, pp. 26–40. (In Russ.).
<https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2>
- Lazarev A.V. Small cities in the federal regional development policy. *Reg. Ekon.: Teor. Prakt.*, 2007, no. 8, pp. 199–209. (In Russ.).
- MacLeod G., Jones M. Renewing urban politics. *Urban Stud.*, 2011, vol. 48, no. 12, pp. 2443–2472.
<https://doi.org/10.1177/0042098011415717>
- Makieva I.V., Krivogov I.V. Modernization of the economy of one-company towns. *Finan.: Teor. Prakt.*, 2011, no. 5, pp. 5–14. (In Russ.).
- Malye goroda Rossii: novye vyzovy, sotsial'nye problemy i perspektivy* [Small Cities in Russia: New Challenges, Social Issues, and Prospects]. Chernysh M.F., Markin V.V., Eds. Moscow: FNISTS RAN, 2021.
<https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021>
- Markin V.V., Malyshev M.L., Zemlyanskii D.Yu. Small cities in Russia: Comprehensive development monitoring. Part 1. *Monitor. Pravoprim.*, 2019, no. 4, pp. 46–55. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-46-55>
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Dynamics and state of cities at the end of the twentieth century. In *Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen* [City and Village in European Russia: A Hundred Years of Change]. Moscow: OGI Publ., 2001, pp. 196–225. (In Russ.).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. Cities and towns: The polarized space of Russia. *Demoscope Weekly*, 2010, no. 437–438. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php> (accessed: 06.08.2025). (In Russ.).
- Oborin M.S., Sheresheva M.Y., Ivanova S.A. Analysis of state support results and development trends of Russian single-industry towns. *Gos. Upravl. Elektr. Vestn.*, 2018, no. 68, pp. 211–241. (In Russ.).
- Peterson P.E. *City Limits*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Sistema gorodov i prostranstvennoe razvitie Rossii* [The Urban System and Spatial Development of Russia]. Limonov L.E. Ed. St. Petersburg: Leontief Tsentr, 2024.
- Smirnov I.P. *Srednie goroda Tsentral'noi Rossii* [Medium-Sized Cities of Central Russia]. Tver: Tver. Gos. Univ., 2019.
- Trebushkova I.E. Geographical analysis of the state policy of Russian science cities. *Uchen. Zap. Krym. Fed. Univ. V.I. Vernadskogo. Geogr. Geol.*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 20–35. (In Russ.).
- Voroshilov N.V. Development of urban agglomerations in the European North of Russia. *Federalism*, 2021, vol. 26, no. 4, pp. 54–74. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21686/2073-1051-2021-4-54-74>
- Zemlyanskii D.Yu., Chuzhenkova V.A. Dynamics of socioeconomic development of municipalities with preferential regimes in the Far East in 2013–2020. *Vestn. S.-Peterb. Univ. Nauki Zemle*, 2022, vol. 67, no. 3, pp. 431–453. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.303>
- Zemlyanskii D.Yu., Kalinovskii L.V., Makhrova A.G., Medvednikova D.M., Chuzhenkova V.A. Integrated socioeconomic development index for Russian cities. *Reg. Res. Russ.*, 2021, vol. 11, pp. 29–39.
<https://doi.org/10.1134/S2079970520040188>
- Zubarevich N.V. Cities as centres of modernization of economy and human capital. *Obshchestv. Nauki Sovrem.*, 2010, no. 5, pp. 5–19. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. Moscow compared to other major Russian cities: What the statistics show. *SPERO. Sots. Polit., Ekspert., Rekomend., Obzory*, 2012, no. 17, pp. 57–68. (In Russ.).
- Zubarevich N.V. Russia's agglomerations development: Trends, resources and governing. *Obshchestv. Nauki Sovrem.*, 2017, no. 6, pp. 5–21. (In Russ.).
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. Russia largest cities development in 2010s. *Reg. Issled.*, 2019, no. 1, pp. 39–51. (In Russ.).
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-1-4>